

Влияние информатизации на правоприменение и семейные отношения

Л.В. Туманова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье показаны перспективы правоприменения и особенно судопроизводства в условиях ускоряющихся процессов информатизации и цифровизации на основе анализа мнения ряда авторов, которые исследуют проблемы цифровизации объектов гражданского оборота и вероятную трансформацию юридической профессии. На протяжении последних лет все интенсивнее обсуждается проблема внедрения искусственного интеллекта (далее – ИИ) в процесс осуществления правосудия и возможность замены судьи-человека на ИИ. Поддержана точка зрения тех авторов, которые обращают внимание на этические проблемы, возникающие как при консультировании по правовым вопросам, так и при осуществлении правосудия, и выражают позицию о нереальности полного замещения не только судьи, но и адвоката исключительно ИИ. При этом обосновывается необходимость дальнейшего развития информатизации правоприменения в целом и процессуальной деятельности. Показан опыт Республики Казахстан по применению новейших информационных технологий в гражданском процессе. Обращено внимание на системные недостатки и отставание правового регулирования информационных процессов. Прежде всего необходимо законодательно закрепить правовой статус ИИ и сопутствующие этому права. На основе предсказания писателя фантаста Рэя Дугласа Брэдбери показано, что самые «умные» информационные системы не могут эффективно действовать без участия человека. Выражены также опасения относительно трансформации семейных отношений по мере развития процессов информатизации и цифровизации, особенно в том, что касается воспитания детей. Но при этом информатизация и хорошее владение ее возможностями детьми и подростками способствуют реализации их права на обращение в суд.

Ключевые слова: информатизация, цифровизация, искусственный интеллект, цифровой объект, правоприменение, правосудие, эффективность и доступность судебной защиты, семейные правоотношения, права родителей, процессуальная дееспособность несовершеннолетних.

Информационные технологии охватывают все сферы жизни и существенно влияют не только на ускорение технического прогресса, но и абсолютно на все, включая то, что принято считать личной жизнью. Стремительно исчезают профессии, которые еще совсем недавно были востребованы, а то, что казалось выдумкой писателей-фантастов,

становится реальностью. Реализация сказочных и фантастических явлений всегда имела место, достаточно упомянуть сюжеты о коврах-самолетах и тарелках, в которых можно было увидеть другие страны. Но так быстро и всеобъемлюще, как в настоящее время, жизнь человека не менялась. Возникает определенное отставание процессов информатизации и цифровизации от их правового регулирования. Так, Л.Ю. Василевская обращает внимание на то, что «в статье 1225 ГК РФ предусмотрен закрытый перечень РИД, которым законодатель предоставил правовую охрану. В этом перечне отсутствуют такие объекты интеллектуальной собственности, как ИИ и его технологии, хотя если исходить из определения понятия ИИ, приведенного в пп. 2 ч. 1 ст. 2 Закона № 233-ФЗ, то он как комплекс технологических решений, безусловно, должен относиться к РИД» [4, с. 16]. И это с учетом того, что ИИ уже прочно входит практически во все сферы жизни и деятельности человека. Отсутствие ИИ в перечне результатов интеллектуальной деятельности приводит к тому, что при его использовании не учитывается факт, что главным является программное обеспечение, которое создается конкретными людьми, а следовательно, как уже неоднократно проявилось на практике, ИИ решает поставленные задачи на основе программы, в которой сохраняются определенные взгляды и убеждения ее автора. В США уже неоднократно сталкивались с тем, что ИИ показывает некий субъективный подход. Нет необходимого правового обеспечения и для объектов, которые созданы с использованием ИИ, например, кого считать автором картины, литературного или научного произведения, если они полностью или в значительной части являются продуктом ИИ. Следовательно, необходим инновационный подход к законодательству, с тем чтобы не разрушить его фундаментальные основы и дать правовое обоснование новых явлений, порожденных процессом информатизации и цифровизации. В терминологии уже достаточно укореняются термины «цифровое право», «цифровые права», «электронное правосудие» и многое другое. Вместе с тем использование подобной терминологии еще не получило достаточного теоретического обоснования и вызывает сомнение правомерность их использования. Например, Л.Ю. Василевская полагает, «что цифровизация прав приводит не к возникновению нового вида имущественных прав, существующих наряду с обязательственными, корпоративными, исключительными правами, а к использованию цифрового способа их фиксации» [4, с. 15]. В поддержку этого можно привести позицию законодателя применительно к регулированию перечня средств доказывания. Первоначально в ч. 2 ст. 59 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ) в качестве самостоятельного вида были указаны электронные доказательства, но в последующем это было исключено. Это объясняется тем, что КАС РФ принят был в 2015 г., когда

информатизация и цифровизация стали трендом всех сфер общественной жизни. Но в дальнейшем пришло понимание, что «электронные доказательства» являются таковыми только по форме закрепления информации, а по содержанию остаются письменными доказательствами, поскольку важна не форма, а содержание информации, следовательно, понятие письменных доказательств сохраняет свою терминологическую актуальность независимо от того, на каком носителе и с помощью каких символов эта информация закреплена. Относительно термина «электронное правосудие» достаточно вспомнить ч. 1 ст. 118 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ): «Правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом». Следовательно, правосудие не может менять свою сущность в зависимости от тех приемов и технологических средств, которые используются. Это еще раз подчеркивает, что правильная терминология является основой не только правотворчества, но и правоприменения.

Как уже было отмечено, информатизация многократно ускорила изменения в профессиональной сфере. Еще совсем недавно очень востребованной была профессия машинистки, эффективность подготовки научных исследований, литературных произведений и документов во многом зависела от профессионализма машинистки, ведь любая ошибка предполагала необходимость заново печатать всю страницу; в настоящее время даже те, кто жил и творил в этих условиях, уже с трудом верят, что такое было, с легкостью исправляя на своих компьютерах и всевозможных гаджетах тексты. Подготовка текста договора, претензии, искового заявления не требует особых усилий не только технического порядка, но и по содержанию, ведь информатизация обеспечивает доступ и к различным образцам и бланкам, и к аналогичным документам, среди которых особо значима электронная база судебных актов, размещенная в системе «ГАС- Правосудие». Правовые системы «КонсультантПлюс» и «Гарант» обеспечивают актуальными нормативно-правовыми источниками. Современный судья уже и не представляет, как его коллеги еще несколько десятилетий назад пользовались бумажными вариантами кодексов, которые были в сплошных газетных вклейках, содержащих изменения. Право перестало быть привилегией избранных его знатоков. Исторически этому прежде всего способствовала всеобщая грамотность, а также публикация нормативных актов. А в эру информатизации каждый может найти нужную правовую норму, сам себя проконсультировать. Все чаще встречаются пророчества о том, что профессия юриста скоро практически исчезнет. К сожалению, при этом забывают древний постулат: «нельзя быть судьей в своем деле», который нужно понимать в широком смысле, ведь человеку трудно самому оценить объективно себя и свою проблему, невольно он будет истолковывать все в свою пользу.

Равным образом, не надо себя и лечить, пользуясь сведениями, полученными из информационных систем. Но это не означает, что правоприменение не меняется по мере развития информационных технологий, внедрения роботизации и использования ИИ.

Следует согласиться с мнением К.Л. Брановицкого, что «это ставит фундаментальный вопрос о роли юристов как посредников между законом и обществом» [2, с. 32]. Развивая мысль, автор отмечает, что посредничество юриста по многим делам становится очень дорогим и занимающим много времени, а использование различных информационных сервисов позволяет за несколько минут найти ответ по заявленной проблеме. Но при этом К.Л. Брановицкий предупреждает, что «развитие генеративного ИИ в сфере юридического консультирования способно “выбить” практически все привилегии адвокатуры и поставить под вопрос принцип независимости юридического консультирования, что, в свою очередь, может привести к более глубокой трансформации права, чем кажется на первый взгляд» [2, с. 34].

Дальнейшая трансформация права и правоприменения неизбежна в условиях глобальных изменений общественных отношений, обусловленных естественным цивилизационным развитием и ускоряющимися процессами информатизации и цифровизации. Но очень важно помнить о таком правиле, применимом ко всему, что так или иначе связано с человеком: «Не навреди!»

Поэтому поспешная замена живого общения с юристом на ИИ или какие-либо информационные сервисы имеет проблемных моментов не меньше, чем преимуществ. Следует согласиться с выводом К.Л. Брановицкого, что «автоматизация и стандартизация правовых услуг, несмотря на их очевидные преимущества, несут риск утраты индивидуального подхода и юридической точности» [2, с. 38–39]. Кроме того, нельзя не учитывать важность человеческого общения, ведь нередко к юристу приходят как к исповеднику и доверяют то, что не разместишь в сети Интернет, а правило адвокатской тайны охраняет сведения, которые получены от клиента. А вот все, что попадает в информационную среду, легко становится доступным другим лицам, что повышает риски стать жертвой мошенников. Каждый студент уже в период обучения юридической профессии усваивает основные навыки: умение задавать вопросы; слушать и слышать клиента; анализировать обстоятельства по делу и интерпретировать применительно к ним правовые нормы. В обозримом будущем никакой ИИ не сможет реализовать все навыки, тем более проявлять сочувствие и сопереживание. Не менее значимо, чтобы юрист при общении с клиентом определял степень правдивости того, что излагает клиент. Сегодня уже существуют сервисы, которые по голосу и интонациям могут распознать определенные признаки, свидетельствующие о состоянии тревоги или обмана, но полностью они не могут заменить личных впечатлений

юриста, имеющего большой опыт работы с людьми. Различные информационные системы, а также ИИ значительно облегчают работу юриста, но только при условии, что он изучает и проверяет полученную таким путем информацию, отступление от этого, как уже показала практика, чревато печальными последствиями, когда ИИ сам придумывает, допустим, несуществующие примеры судебной практики.

Вершиной юридической профессии, а следовательно, и правоприменения справедливо считается судебная деятельность. Соответственно, вопрос о пределах возможной информатизации правосудия и использования ИИ, в том числе в качестве замены судьи-человека, является наиболее актуальным. Все, что уже было отмечено о важности взаимодействия при решении правовых коллизий с юристом, но при использовании всех возможностей, которые предоставляет цифровизация, в полной мере относится и к сфере судебной деятельности. Учитывая особую значимость судебной власти и то, что закон называет ее носителем судью, требуется особый подход к возможным пределам использования информационных технологий и особенно ИИ. Своебразным программным тезисом можно считать вывод Д.А. Туманова по итогам его исследования вопроса о том, может ли искусственный интеллект заменить судью-человека: «в настоящее время и в обозримом будущем недопустима замена судьи-человека на ИИ. Помимо судебной, существует множество иных форм защиты прав, свобод и законных интересов, в которых может эффективно использоваться ИИ в качестве основного фактора разрешения правового спора. Однако правосудие немыслимо без обеспечивающих его осуществление принципов, часть из которых несовместима с ИИ» [9, с. 25]. Вывод был сделан из анализа различных точек зрения, частично обосновывающих радикализацию правосудия, основанную на пересмотре самого этого понятия и главных принципов. Вместе с тем Д.А. Туманов проанализировал и более взвешенные позиции по исследуемой проблеме авторов, которые предлагают варианты «встраивания» возможностей ИИ для повышения эффективности процесса защиты прав и законных интересов в целом [9, с. 12–17]. Бессспорно, что ИИ должен способствовать доступности судебной защиты и повышать ее эффективность, но есть очень большие сомнения относительно возможности ИИ реализовывать принцип справедливости. Значение этого принципа для правоприменения в целом и особенно при осуществлении правосудия трудно переоценить, а для его реализации судье предоставляется право на судейское усмотрение, без которого практически невозможно вынести ни один приговор по уголовному делу. Ведь уже сами санкции обозначаются как «до» или «от и до», и нужен учет личности подсудимого, отягчающих и смягчающих обстоятельств, перечень которых носит открытый характер. Не менее сложны и дела, рассматриваемые в порядке гражданского и административного

судопроизводства, применяемые по таким делам нормы материального права носят во многих случаях оценочный характер. Трудно даже представить, как сможет справиться ИИ с рассмотрением жалобы на решение квалификационной коллегии судей о привлечении судьи к дисциплинарной ответственности, если закон не содержит даже примерного перечня того, что следует считать дисциплинарным проступком, все это усугубляется тем, что проступок может относиться как к служебной, так и неслужебной деятельности судьи, что уже само по себе делает дисциплинарную ответственность судей уникальной, а следовательно, недоступной для ее «оцифровки». Еще один важный момент – представляется недопустимым деление правосудия на виды с позиции использования судьи-человека и ИИ. Совершенно обоснованно Д.А. Туманов предостерегает: «любые попытки разделения дел на те, которые будут рассматриваться ИИ по причине отсутствия необходимости в судебском усмотрении, и те, которые следует разбирать судье-человеку, поскольку потребность в усмотрении в них может возникнуть, приведут к тому, что и к ИИ неизбежно будут попадать дела, в которых существует потребность в судебском усмотрении» [9, с. 19].

Особо следует упомянуть о приказном производстве. Действительно, ряд принципов там не действует либо проявляется специфически. Трудно не согласиться с тем, что ИИ способен тщательно проверить представленные документы и заявление о вынесении судебного приказа, но даже в этом необходим контролль со стороны судьи; подготовленный судебный приказ будет только проектом до тех пор, пока его не одобрит судья и не придаст ему юридической силы своей подписью. Судебный приказ, равно как и упрощенное производство, в наибольшей степени могут служить основой для создания в будущем новых альтернативных способов разрешения правовых конфликтов наряду с существующей системой третейского разбирательства или в качестве его новых форм. Но пока судебный приказ выносит мировой судья, только его подпись придает юридическую силу.

Все это свидетельствует о том, что необходимо развивать новые технологии, которые должны повышать эффективность и доступность правосудия. Целесообразно использовать опыт других государств, учитывая как достижения, так и возможные проблемы, что поможет избежать ошибок, ведь любая судебная ошибка влияет на судьбы людей и порождает неверие в правосудие.

Обратимся к опыту информатизации гражданского судопроизводства в Республике Казахстан. Прежде всего следует отметить одну из главных проблем, которую называет З.Х. Баймодина: «Проблема заключается в отставании правового регулирования от практического внедрения информационных технологий в судопроизводство, поэтому требуется адекватное сложившимся реалиям законодательство. При этом значимость должна быть придана

регламентации единых подходов к становлению цифрового общества путем кодификации» [1, с. 53]. Это свидетельствует о том, что недостаток правового регулирования стремительно развивающейся цифровизации является общей проблемой. Следует отметить, что Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан (далее – ГПК РК) несколько опережает наше гражданское процессуальное законодательство, т. к. у нас только две статьи в главе посвящены особенностям проведения онлайн-процесса, а в ГПК РК с 2019 г. появилась целая глава «Особенности электронного судопроизводства» [1, с. 45].

Интерес представляет система «Судебный кабинет», состоящая из 15 сервисов и модулей, которые целесообразно перечислить. Доступные любому лицу: «Банк судебных актов», «Найти дело», «Ознакомление с судебными документами», «Проверка легитимности судебного акта», «Запись на личный прием», «Анкета внешней оценки». Доступны только участникам процесса: «График рассмотрения судебных дел», «Подача документов», «Мои дела», «Уведомления», «Онлайн- беседа», «Доверенность», «Е-примирение», «Мои письма», «Календарь участника процесса» [1, с. 46–48]. Безусловно, есть над чем задуматься, а особо хочется выделить сервис о примирении, который предполагает решение вопросов о возможности примирительных процедур в электронном формате, что экономит время как сторон, так и суда. Самым интересным является сервис, в котором участники процесса размещают заранее информацию о своей занятости, что позволяет более быстро и эффективно решать вопросы назначения судебного заседания и других процессуальных действий. Но вызывает некоторые сомнения обоснование З.Х. Баймоддиной значимости использования информационных технологий тем, что это «создало условия для обеспечения единообразной судебной практики и предсказуемости правосудия» [1, с. 48]. Как раз чрезмерное единообразие судебной практики, а тем более предсказуемость правосудия и являются главными опасностями применения ИИ. Не может быть абсолютной предсказуемости, изучение практики дает только определенные ориентиры, помогает сторонам в решении вопроса о необходимых доказательствах, да и то судья по каждому делу должен уточнить, что и какими средствами стороны должны доказывать. Можно только отметить некоторую предсказуемость так называемых «неправовых споров», но на данном этапе такие обращения (типа «о необходимости установления уполномоченного по делам НЛО») уже практически не встречаются.

Каждое дело уникально, и именно эту уникальность способен постигнуть и оценить только судья-человек.

Возвращаясь к вопросу о необходимости надлежащего правового регулирования процессов информатизации и цифровизации, хочется

выразить сомнения в реалистичности утверждения З.Х. Баймодиной о том, «что есть все основания для принятия Цифрового кодекса Республики Казахстан, поскольку без систематизации правового регулирования общественных отношений в данной сфере невозможно преодолеть правовые пробелы и коллизии» [1, с. 53]. Соглашаясь с мотивацией о необходимости преодоления пробелов и коллизий, трудно представить такой единый кодекс, способный урегулировать цифровизацию всех общественных отношений, которые относятся к различным отраслям права. Представляется, что нужно начинать с общих вопросов, определяющих правовой режим ИИ и сопутствующих ему информационных и цифровых технологий, а на основе этого вносить изменения и дополнения в законы, регулирующие конкретные общественные отношения.

Сложность этой задачи можно показать на примере того, как влияет информатизация на сферу семейных правоотношений.

Литературные произведения писателей-фантастов только на первый взгляд производят впечатление «легкого развлекательного жанра», на самом деле, как правило, в них содержится не только предвидение, но и предостережение. Еще в 1950 г. Рей Дуглас Бредбери написал рассказ «Будет ласковый дождь...», в котором очень сжато и впечатляюще показал, что самый «умный дом», оказавшись без людей, которые погибли в ядерной катастрофе, не смог справиться сам с пожаром и его деятельность потеряла всякий смысл [3]. Все описываемые события автором датированы августом две тысячи двадцать шестого года. Вряд ли степень информатизации к данной дате достигнет того уровня, который описан в рассказе, но многое уже вошло в нашу повседневную жизнь. Нет сомнения, что достижения, облегчающие многие виды домашней работы, очень необходимы, но вот тотальное замещение всего, что составляет по сути семейную жизнь, вызывает сомнение. В рассказе описаны электронные цифровые устройства, которые не только выполняют абсолютно все, начиная с информирования о времени и призывах вставать к обитателям дома, но и напоминают буквально все, что должен нормальный человек помнить сам. Например, «метеокоробка на наружной двери тихо пела: «Дождик, дождик целый день, плащ, галоши ты надень...»» [3]. И это фантастическое стало сегодня реальным, уже созданы системы, которые также умеют «давать советы». Но ведь семейные отношения складываются именно из таких слов и обращений членов семьи, они демонстрируют внимание, заботу и любовь к близким людям. В связи с этим вспоминается эпизод из комедии «Странная миссис Сэвидж», когда героиня, пытаясь объяснить, какими словами можно выражать свою любовь, называет фразу о том, что нужно взять зонт, поскольку идет дождь. Это очень тонко показывает, что самое простое бытовое общение в семье и является проявлением любви и заботы между членами семьи, ведь человек, а тем более ребенок, очень

нуждается в любви и заботе своих близких, а когда это все начинают заменять электронные устройства, то взаимосвязь между членами семьи исчезает. Рассказ Рея Дугласа Брэдбери вызывает ужас не крушением этого дома, а именно тем, как жили в нем его обитатели. Работы готовили еду, а ведь мама, папа готовят «с душой», тем самым передавая свою любовь, и как приятно родителям, если ребенок приготовит для них хоть самый простой бутерброд. Информатизация порождает разнообразные «Алисы», которые вместо родителей предлагают детям сказку или песню на ночь. Ребенок, который еще не научился ходить и говорить, получает вместо игрушек, соответствующих его возрасту и развитию, телефон, с тем чтобы мама тоже могла не отвлекаться от своего. Все это не может не влиять на изменение внутренней сущности семейных отношений.

Получается, что родители действуют в рамках закона, поскольку методы и формы воспитания они определяют сами. Именно поэтому О.Ю. Ильина отмечает, что «отношения между родителями и детьми являются, пожалуй, объективно самой уязвимой сферой в составе предмета семейно-правового регулирования» [7, с. 15]. Ведь в ст. 65 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ) только в самом общем виде указано на недопустимость осуществления родительских прав в противоречии с интересами детей. Есть и незначительная «расшифровка» этого, где указано, что нельзя причинять вред физическому, психическому здоровью, нравственному развитию, а также не допускается пренебрежительное отношение к детям. Но кто и как может установить, можно ли считать пренебрежительным отношением, когда ребенка перепоручают гаджетам, а тем более установить, причинит ли это вред здоровью или нравственности ребенка. Плоды такого «электронного» воспитания станут очевидны только спустя годы. Это не означает, что нужно определять в нормах права каждое действие родителей. Следует согласиться с О.Ю. Ильиной, которая отметила, что «чрезмерная формализация, введение дефиниций, как представляется, лишь усложнит процесс семейно-правового регулирования» [8, с. 13]. Добавим к этому, что чрезмерная регламентация в правовых нормах, как правило, влечет их неисполнимость. Это не означает, что не надо вовсе улучшать правовое регулирование семейных отношений. Процессы информатизации и цифровизации должны получить некоторое правовое регулирование и в отношении прав и обязанностей родителей. Ведь была проведена маркировка литературы, мультипликационных фильмов и другой видеопродукции, но вне правового регулирования остался контент, который предлагают интернет, различные «тик-токи» и другие сервисы. Разумеется, детей необходимо обучать компьютерной грамотности, но должен быть установлен также определенный возрастной режим.

Немало и других новелл вносит информатизация в сферу семейных отношений. С учетом определенной криминальной опасности очень

хорошо, что есть программы, которые позволяют контролировать ребенка в режиме реального времени, но нельзя забывать, что, используя различные информационные сервисы, оказывается, намного легче склонять несовершеннолетних к совершению правонарушений, а что еще страшнее – к суицидальному поведению. А истоки этого – в том, что с раннего детства не возникает необходимого контакта между родителями и детьми, возрастает определенное отчуждение, отсутствует доверие. Да и трудно ожидать иного, если изначально общение переходит в форму смс- сообщений. Нет простых и готовых рецептов, есть потребность в системе «родительского образования». Усыновители проходят обязательное обучение, возможно, это должно стать обязательным для всех родителей, ведь легче предотвратить ошибки родительского воспитания, чем потом пытаться бороться с их тяжелыми последствиями.

Тема «Дети и интернет» многогранна, и это означает, что ей надо заниматься.

Информационные технологии влияют практически на содержание всех семейных отношений. В одной статье охватить все невозможно, отметим еще лишь два аспекта.

Семейные отношения всегда отличал определенный элемент закрытости, что естественно вытекает из их сути. Длительный период истории семьи была практически вне зоны какого-либо, в том числе государственного, контроля. Но постепенно правовое регулирование охватывало все основные стороны семейной жизни. При этом правовой охране подлежат вопросы, составляющие личную и семейную тайну. «В то же время семья является социальным институтом, открытым для взаимодействия с иными лицами, в том числе не всегда дружественно настроенными к членам семьи. Пикантные ситуации с "любовным треугольником", эмоциональные трагедии при донорстве биологического материала или суррогатном материнстве могут вызывать не только общественный резонанс, степень которого зависит от известности действующих лиц, но и необходимость теоретического осмысливания сложившейся ситуации с точки зрения применения принципа недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в дела семьи (ст. 1 СК РФ)» [5, с. 23–24]. К этому перечню, отмеченному О.Ю. Ильиной, следует добавить правило ст. 139 СК РФ о соблюдении тайны усыновления и еще много других охраняемых законом тайн, которые так или иначе затрагивают семейные отношения. Но вот правовая охрана тайн и иных сведений, касающихся сторон личной жизни членов семьи, в условиях глобальной информатизации становится практически невыполнимой. Многочисленные видеокамеры, фиксирующие частную жизнь, неистребимое желание самих людей поделиться фотографиями и роликами в различных информационных системах превращают личную жизнь в «публичную» независимо от рода занятий и должностного положения членов семьи. Желание закрепить

моменты своей жизни в информационной среде, иногда весьма пикантные, одолевает даже судей и кандидатов на должности судей, несмотря на то, что это может повлечь для них весьма неприятные последствия. Информатизация как будто уничтожила стены домов, сделала семейную жизнь большинства достоянием досужей публики. И такая информация может стать причиной разрушения семьи, причем организовать это могут те самые «не всегда дружественно настроенные» люди. Значит, необходимо расширить сферу правового регулирования и установить дополнительные запреты на распространение информации о личной и семейной жизни с учетом интересов всех членов семьи, ведь неразумные дети могут «подставить» своими «постами» родителей, а родители могут не понять того, как их «жизнь» в информационной среде может отразиться на детях.

Но надо отметить и положительное влияние процессов информатизации на сферу семейных отношений, хотя с некоторым негативным оттенком. В рассуждениях о правоприменении было однозначно обозначено существенное влияние информатизации на доступность судебной защиты. Это в полной мере относится и к защите прав и законных интересов в семейных правоотношениях. Есть вопрос, который заслуживает особого внимания. Анализируя процессуальное законодательство, регулирующее отношения с участием несовершеннолетних, О.В. Жукова подчеркивает, что «специфика процессуальной дееспособности в отличие от дееспособности в материальном праве состоит в том, что ее содержание имеет две основные составляющие: право лично участвовать в суде и право поручать ведение дела представителю. В гражданском процессуальном законодательстве несовершеннолетний, достигший 14 лет, может в случаях, предусмотренных законом, вести дела лично, но у него нет правомочия передавать ведение дела представителю (ст. 37 ГПК РФ)» [5, с. 19]. Возможность несовершеннолетнего лично обратиться в суд важна именно для споров, вытекающих из семейных правоотношений, когда ребенок нуждается в защите от своих родителей, усыновителей или попечителей. И здесь огромное значение имеет возможность электронного обращения в суд, т. к. современные дети прекрасно себя чувствуют в информационной среде. Но самому несовершеннолетнему трудно, даже почти невозможно разобраться в нормах семейного права и требованиях процессуального законодателя. И здесь ему на помощь придут соответствующие программы, а также ИИ, которые, по сути, заменят консультацию юриста, и несовершеннолетний сможет сам обратиться в суд. Следовательно, все, что ранее было отмечено о роли информатизации в правоприменении и судебной деятельности, особо значимо для защиты прав и законных интересов несовершеннолетних. Проблемы, связанные с их участием при рассмотрении дела, заслуживают специального исследования не только с позиций

информатизации. И важнейшим является то, что с помощью информационных технологий исковое заявление несовершеннолетнего будет принято судом.

Не будем делать никаких общих выводов, процесс информатизации всех сторон жизни развивается стремительно, и всем нам следует еще поразмышлять, как обращать эти процессы исключительно во благо.

Список литературы

1. Баймодина З.Х. Применение информационных технологий в Казахстанском гражданском судопроизводстве // Цифровое право. Т. 5. 2024. № 4. С. 41–54.
2. Брановицкий К.Л. Искусственный интеллект и LEGALTECH: риски трансформации юридической профессии // Цифровое право. Т. 5. 2024. № 4. С. 28–40.
3. Бредбери Рэй Дуглас. Будет ласковый дождь... // Дарьял. Литературно-художественный и общественно-политический журнал. 2021. № 6. URL: https://www.darial-online.ru/material/2021_6-bred/ (дата обращения 15.10.2025).
4. Василевская Л.Ю. Цифровизация объектов гражданского оборота: от трансформации к новым правовым режимам // Lex russica. Т. 78. 2025. № 9. С. 9–23.
5. Жукова О.В. Некоторые вопросы унификации и дифференциации процессуального законодательства по делам с участием несовершеннолетних // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 4 (76). С. 15–23.
6. Ильина О.Ю. Невмешательство в дела семьи или обеспечение прав третьих лиц: основания и приоритеты // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2022. № 2 (70). С. 23–31.
7. Ильина О.Ю. Конкуренция соглашений о детях в семейном законодательстве Российской Федерации и Республики Беларусь // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2022. № 4 (72). С. 15–22.
8. Ильина О.Ю. Новшества Семейного кодекса Российской Федерации: предпосылки, содержание и последствия // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 3 (75). С. 7–15.
9. Туманов Д.А. Может ли искусственный интеллект заменить судью-человека? // Цифровое право. Т. 5. 2024. № 4. С. 10–27.

Об авторе:

ТУМАНОВА Лидия Владимировна – заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры судебной власти и правоохранительной деятельности ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 8705-4643, AuthorID: 648735; e-mail: gpipd@tversu.ru

The impact of informatization on law enforcement and family relations

L.V. Tumanova

Tver State University, Tver

This article examines the prospects for law enforcement, and particularly legal proceedings, in the context of accelerating informatization and digitalization. It analyzes the opinions of several authors who explore the digitalization of civil transactions and the potential transformation of the legal profession. In recent years, the introduction of artificial intelligence (hereinafter referred to as AI) into the administration of justice and the possibility of replacing human judges with AI have become increasingly discussed. This article supports the views of those authors who draw attention to the ethical issues that arise both in legal consultations and in the administration of justice, and who argue that it is unrealistic to completely replace not only judges but also lawyers with AI alone. Furthermore, the need for further development of the informatization of law enforcement in general and procedural activities is substantiated. The Republic of Kazakhstan's experience in applying the latest information technologies in civil proceedings is presented. Attention is drawn to systemic shortcomings and the lag in legal regulation of information processes. First and foremost, it is necessary to legislatively enshrine the legal status of AI and the accompanying rights. Based on a prediction by science fiction writer Ray Douglas Bradbury, it is shown that even the most intelligent information systems cannot operate effectively without human intervention. Concerns are also expressed regarding the transformation of family relationships as information and digitalization advance, particularly with regard to raising children. However, information technology and children's and adolescents' mastery of its capabilities facilitate their exercise of the right to appeal to the courts.

Keywords: *information technology, digitalization, artificial intelligence, digital object, law enforcement, justice, effectiveness and accessibility of judicial protection, family legal relations, parental rights, legal capacity of minors.*

About author:

TUMANOVA Lidia – Honored Lawyer of the Russian Federation, the doctor of the Legal Sciences, Professor, professor of the department of judiciary and Law Enforcement Affairs of the Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova st., 33), SPIN-code: 8705-4643, AuthorID: 648735; e-mail: gipd@tversu.ru

Туманова Л.В. Влияние информатизации на правоприменение и семейные отношения // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 4 (84). С. 186–198.

Статья поступила в редакцию 10.10.2025 г.

Подписана в печать 10.12.2025 г.